

О ФОРМАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО НАДПИСИ ОБЕЛИСКА МАНИШТУСУ

Акад. А. И. Тюменев

Надпись на обелиске Маништусу представляет собою один из интереснейших документов шумеро-аккадской эпохи в истории древнего Двуречья, поскольку она содержит в себе ряд данных относительно экономической жизни и прежде всего относительно характера земельной собственности в области Двуречья во второй половине III тысячелетия до н. э. (времени аккадской династии). Естественно, что она неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, однако до сих пор содержание ее не может считаться вполне выясненным. Это зависит от того, что самое изложение ее крайне неясно и неопределенно и представляет большие трудности для ее интерпретации. «Научное значение этого документа, — как замечает один исследователь, — равняется темноте его изложения... Текст обходится почти совершенно без синтаксиса и сводится к отдельным изолированным словам, которые были вполне понятны для современников, но которые для нас представляют настоящий ребус»¹.

И действительно, главная трудность заключается не в фрагментарности документа (за исключением верхней части обелиска, заключавшей по несколько строк на каждой его стороне, текст сохранился хорошо и полностью²), но в крайней лапидарности самого изложения. Содержание документа состоит почти исключительно из перечня имен лиц и групп населения, так или иначе прикосновенных к совершаемому царем Маништусу акту приобретения земель, причем терминология, определяющая общественное положение этих отдельных групп, неясна и допускает самые различные, даже противоположные толкования. Самая сущность акта, о котором в документе идет речь, ввиду такой лапидарности изложения также представляет большие трудности для его интерпретации.

Обелиск Маништусу найден был в конце прошедшего столетия в Сузах и тогда же в 1900 году был издан в факсимиле с транскрипцией и переводом В. Шейлем³. Интерпретации текста надписей на обелиске посвящена была специальная статья Грозного⁴. Не меньшее внимание уделяет

¹ J. F l a s c h, La propriété collective en Chaldée, «Revue historique», XCV (1907), стр. 315.

² Предполагать, как это делает тот же исследователь (стр. 319), что в начальной (относительно незначительной) части документа содержались какие-либо исчерпывающие разъяснения относительно существа самого акта, о котором идет речь в документе, представляется маловероятным.

³ Obélisque de Meništa-irba roi de Kiš, «Mémoires de la délégation en Perse», II, Paris, 1900, стр. 1—52.

⁴ F. H r o z n y, Der Obelisk Maništus, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXI, I (1907), стр. 11—43.

ей и французский историк Flach¹. Интерпретируя содержание надписи Маништусу, оба исследователя приходят, однако, к диаметрально противоположным выводам. В то время как Грозный видит в лицах, с которыми царь вступает в сделку относительно приобретения земель, частных земельных собственников, Flach считает их представителями земельных общин, причем он не признает даже, что в данном случае вообще имел место факт продажи земли, видя в документе, записанном на обелиске Маништусу, односторонний акт, изданный царской властью². Известный исследователь древнеавилонского права и законов Кюк, рассматривавший этот акт, подобно Грозному, как сделку относительно частновладельческих земель, видел в нем показатель существования в области Двуречья уже в эту отдаленную эпоху развитой частной собственности на землю³. В советской науке также не существует единогласия в оценке надписи Маништусу. Академик В. В. Струве в своей первой работе, посвященной проблеме рабовладельческих обществ древнего Востока, видел в данных надписи доказательства существования крупной земельной собственности уже в аккадскую эпоху⁴. Хотя в последующих работах он несколько иначе трактовал значение надписи, говоря о приобретении царем земель от господствующих родов⁵, или менее определенно у «местной знати»⁶, однако и в обоих этих случаях речь идет о землевладении знатных родов, а не собственно об общинном землевладении. Напротив, акад. Н. М. Никольский склонен рассматривать контрагентов царя Маништусу как представителей земельной общины⁷.

Обращаемся к самому документу. Все четыре стороны обелиска заполнены надписями. На каждой из сторон, обозначаемых издателем буквами А, В, С, D, идет речь о приобретении царем Киша от нескольких групп лиц земельных участков, причем эти участки расположены в различных округах (в округах Дурсин, Киш, Марадда, Шиттаб). Участки эти слагаются или из нескольких отдельно приобретаемых полей (на сторонах А и С говорится о трех полях в каждой), или же состоят из одного поля (стороны В и D).

Все эти сообщения о приобретаемых царем землях составлены по одному типу, хотя и далеко не тождественны между собой по содержанию, как это может показаться на первый взгляд. Сначала указывается размер приобретаемого царем поля в больших ганах (бурах), затем дается оценка его в гурях зерна и оценка (šim) в переводе на серебро (из расчета один серебряный сикль за один гур), далее указывается размер дополнительной платы (в серебре или в вещах)—   NIG-K I-GAReklim (чтение Шейля NIN-K I-NIN GAN неправильно).

За установлением ценности поля следует поименный список лиц, непосредственно участвующих в сделке (с указанием имени отца, иногда и деда). Сначала называются лица, получающие сверх платы различные «подарки»   Nig-BA-GAN (по преимуществу одежды разного качества, но также и другие предметы) с указанием получаемого каждым из них «подар-

¹ В названной выше статье, стр. 315—326. К статье (при стр. 336) приложена таблица, в которой сведены все данные надписи.

² *Ib.*, стр. 319.

³ E d o u a r d C u q., *Etudes sur le droit babylonien, les lois assyriennes et les lois hittites*, Paris, 1929, стр. 78.

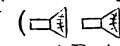
⁴ «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока», «Известия ГАИМК»; вып. 77, М.-Л., 1934, стр. 52—53.

⁵ «Рабство в древнейшей Сумире», «Известия ГАИМК», вып. 97, М.-Л.

⁶ «История древнего Востока», (изд. 2-ое), М.-Л., 1941, стр. 80, 81—82.

⁷ Н. М. Никольский И. О частном землевладении в древнем Двуречье. *Истор. журн.*, 1945, 1—2, стр. 36, 38—39, 42.

ка) и с подведением итогов как выданных вещей, так и числа получивших их людей. Число таких лиц по трем полям стороны А составляет 4, 4 и 2, по полю стороны В—11, по трем полям С—26, 12, 2, по полю D—10. Затем, только в двух первых полях стороны А, указываются имена участников сделки, не получающие «подарков» (3 и 5). Снова дается итог, на этот раз всех участников сделки, обозначаемых как «господа поля» (*bêlu eklim*)¹ и как «едоки (получатели) серебра» (*êkilût kaspim*)². К непосредственным участникам операции должны быть присоединены и перечисляемые далее, однако также далеко не во всех случаях (при приобретении первого поля стороны А в числе 10 и при приобретении поля В в числе 9), и именно называемые (также с указанием имен отцов) «братья» (родственники)—*añhu* непосредственных участников сделки, хотя они уже не названы «едоками серебра». Наконец, все перечисленные лица объединяются в одну группу и обозначаются как *mâr mâr* («дети»—потомки) одного родоначальника (*Me-zi-zi, Ši-ša-ni, La-mu-um, UŠ-GAL, Dup-sî-ga, UR-UR*) и таким образом, очевидно, являются членами единого рода.

Перечисленными категориями число лиц, имеющих то или иное отношение к производимой сделке и так или иначе в ней заинтересованных, далеко не исчерпывается. В общих итогах по всем приобретаемым полям (но не по каждому в отдельности) надписей А и С и в надписи D приводится поименный список лиц (также с указанием имен их отцов), обозначаемых как *AB-AŠ AB-AŠ GAN* ()—термин, означающий «старейшин поля» (см. ниже). Рядом с *AB-AŠ AB-AŠ GAN* только в надписи на стороне С содержится перечень представителей администрации нубанд и па (угула) в числе 12 человек. Наконец, также в общих итогах, по всем приобретенным полям сторон А, В, С, D даются только суммарные (без поименного перечня) крупные цифры людей (*mâr mâr*), обозначаемых по месту жительства—Дурсин, Киш, Марада, Шиттаб. Число этих *mâr mâr* по трем полям А составляет 190 человек, по полю В—80, по трем полям С—1200, по полю D—94. Как «старейшин поля», нубанд, па (угула), так и всю остальную массу людей, связанных с приобретаемыми царем землями, царь обещает кормить (*akalu ušakal*).

В заключение во всех четырех надписях помещен поименный список (как всегда, с указанием имен отцов) *AB-AŠ AB-AŠ GAN*—людей Аккада (Агаде) в числе 49 человек. Список этот дословно повторяется на всех четырех сторонах.

В конце каждой из надписей еще раз подтверждается, что все перечисленные поля или комплексы полей приобретены царем Киша Маништусу.

Уже из этого перечня содержания всех четырех надписей видно, что в данном случае непосредственным объектом сделки служат не частновладельческие земли, но земли обширных коллективов (общин). Самые размеры приобретаемых царем земель совершенно исключают предположение об их принадлежности частным собственникам. Насколько нам известно, частновладельческие земли (поскольку таковые существовали

¹ — Чтение этих клинописных знаков Шейлем в их шумерском произношении *TILLGAN* и соответственно толкование данного термина как *serfs*—крепостные сервы (стр. 8, примечание 3) неправильно. Термин должен читаться по-семитически *bê-lu*, и тогда значение его не должно внушать никаких сомнений.

² Шейль читает *akalu kasru* и толкует это место в том смысле, что за *TILLU GAN*, в которых он, как сказано, видит крепостных сервов, признавалось право на оплату их труда серебром и довольствием—*serfs du champ avec nourriture et salaire*. Однако ни его чтение этого места, ни толкование одинаково неприемлемы и не получили признания.

в области древнего Двуречья) обычно не превышали 4—5 га и лишь в единичных исключительных случаях достигали 15—20 га. Между тем в надписи Маништусу речь идет об обширных земельных массивах. Поле А, состоящее из трех отдельных участков, в общей сложности составляет $74 \frac{7}{18}$ бур (больших ган) ($24 \frac{7}{18} + 45 \frac{11}{18} + 4 \frac{1}{18}$), или около 450 га, поле В — $44 \frac{3}{18}$ бур (около 270 га), поле С — 360 бур (2160 га) ($130 + 213 + 17$), поле D — 62 бура (около 375 га). Общий итог всей приобретенной царем площади составляет $540 \frac{3}{18}$ бур (около 3258 га)¹.

Характерно, что при определении местоположения приобретаемых царем участков² в качестве их границ указываются исключительно реки, каналы, территории городских, сельских, племенных общин, владения царя или царских родственников (царского сына, брата), но ни в одном случае не упоминаются владения частных лиц.

Самые сделки на все приобретаемые царем поля совершаются не от имени отдельных лиц, но от имени группы родственников, членов единого рода, число которых доходит часто до нескольких десятков человек. Но и этого мало: в сделке оказываются так или иначе заинтересованными несравненно большие группы лиц: «старейшины поля», нубанды и па (угула), наконец, массы рядовых членов коллектива *mâr mâr*. По всем полям А на 28 членов родовых групп приходится 195 остальных членов коллективов, по полю В на 20 членов рода — 80, по полям С — на 40 членов родов — 1252, по полям D на 10 — 124. По всем приобретаемым царем землям из 1749 заинтересованных в этом акте людей непосредственными его участниками и получателями платы («едоками серебра») и их родственниками оказываются только 98 человек.

Но если таким образом представляется несомненным, что Маништусу имел дело не с единоличным, а с коллективными владельцами, то для того, чтобы установить характер и значение коллективов, с которыми он вступал в сделки, необходимо прежде всего рассмотреть положение отдельных перечисляемых в нашем документе групп лиц и их отношение к коллективу.

Наиболее затруднительным представляется вопрос относительно положения в коллективе *bêlu eklim*, в которых обычно видят непосредственных собственников приобретаемых царем земель. Термин *bêlu*, означающий буквально «господин», употребляется, правда, также и в значении «владелец», «собственник», однако вовсе не обязательно. Слово это могло означать также распорядителя, в данном случае общинными землями. В кудурру каситской эпохи — документах, представляющих близкую, хотя, конечно, и неполную, аналогию с надписью обелиска Маништусу, термин *bêl bitî* употребляется для обозначения главы племенной общины. Поскольку *bêlu eklim* не являются единоличными владельцами, но образуют родовые группы, поскольку, с другой стороны, они, как видим, возглавляют обширные коллективы, термин *bêlu eklim*, повидимому, в данном случае следует понимать именно в этом последнем смысле и соответственно видеть в этих активных участниках сделки с царем не частных

¹ Акад. Струве видит в образовании обширных земельных владений результат скупки земель крупными собственниками («Проблемы»..., стр. 52). Правда, факты скупки земель (и то от позднейшего времени) нам известны, однако такая скупка земель производилась небольшими разрозненными и рассеянными в различных местах участками, причем обработка этих участков производилась обычно путем сдачи их в аренду. Предположение о скупке исключается в данном случае и потому, что речь идет здесь, как сказано, о собственности не отдельных лиц, а коллективов.

² Указание границ приобретаемых царем участков помещается после списка *bêlu eklim* и их родственников. См. А, IX, 12—24; В, VI, 5—17; С, XIII, 13—25; IX, 1—12.

собственников в собственном смысле, а членов родовых групп, занимающих в то же время в своих коллективах руководящее положение. Именно так, например, и обстоит дело в группе полей А, где в качестве «старейшин поля» (AB-AŠ AB-AŠ GAN) фигурируют сыновья и внуки bêlu eklim. Из пяти AB-AŠ AB-AŠ три оказываются сыновьями одного из bêlu eklim Айар Эа (А, X, 6 сл; ср. А, VII, 2—8) и один—внуком другого bêlu eklim Энна Хум, который сам в то же время является «старейшиной города Дурсин» (bêlu alî Dûr (ilu) Sin ki (А, X, 11 сл; ср. А, VI, 11). Как видим, в данном случае члены рода Мецици, занимающие первенствующее место в общинном коллективе, сохраняют еще с этим последним непосредственную связь, принимая близкое участие в его делах в качестве «старейшин». В поле В группа старейшин не упоминается вовсе, вероятно, потому, что bêlu eklim в данном случае непосредственно выполняли роль «старейшин». Иначе обстоит дело в полях группы С, возглавлявшихся членами родов патеси г. Кислах¹, нубанды Бар Им, какого-то крупного чиновника pâgîru (наместника), но об этом ниже.

Что касается группы AB-AŠ AB-AŠ GAN, то, как уже сказано, согласно буквальному значению этих слов—«старейшины поля», мы должны видеть в них старейшин данной земельной общины.

Уже по одному тому, что во главе каждой группы стоят старейшины, в остальной массе людей mâr mâr мы можем видеть только рядовых общинников. С этим вполне согласуется и обычное применение этого термина в отношении общинников. Тот же термин (в шумерском чтении TUR—TUR или DUMU—DUMU) употребляется, например, в документах из Шуруппака (Фары) для обозначения именно общинников, занятых на общественных работах и получающих довольствие от государства². С тем же значением термин DUMU встречается и позднее в документах из Уммы времени третьей династии Ура³.

Только в коллективах полей С мы встречаем, кроме bêlu eklim и AB-AŠ AB-AŠ GAN, еще представителей администрации—нубанд и па (угула), что объясняется особым положением этих коллективов, повидимому, уже втянутых в патесиальные хозяйства. Коллективы эти, как сказано, возглавлялись или непосредственно членами семьи патеси, или же их ставленниками. Не случайность, конечно, что и земельная площадь этих коллективов резко выделяется своими размерами среди полевых владений остальных групп. В первом из трех полей С числилось 130 бур (около 780 га), во втором даже—213 бур (около 1300 га), третье поле, возглавляемое двумя членами семьи pâgîru, было значительно меньших размеров, всего 17 бур (100 га). В общей сложности все три поля С образовали площадь в 360 бур, что составляло ровно $\frac{2}{3}$ всей приобретаемой царем Маништусу территории, равнявшейся 540 бурам. В то же время мы не

¹ Правда, Грозный, читающий вместо AB-AŠ—AB-SU, понимает AB-AŠ как AB-AŠ GAN—Verwalter des Feldes, однако такой перевод не только не соответствует буквальному значению этих слов, но и затрудняет понимание самого текста, поскольку остается неясным, от чего же имени действуют эти «правители поля». И Шейль, и Flach дают перевод, более близкий к буквальному значению термина abu: anciens du champ. Относительно значения термина abu ср. Deimel, Sumerisches Lexikon, s. v.; Prince, Materials for a sumerian Lexicon, Leipzig, 1905—1908, I, стр. 11—12; (Muss-Arnolt, Reference glossary of assyrian words, стр. 371 s. v. В самой надписи Маништусу термин abu употребляется неоднократно в отношении старейшин городов, см. А, VI, 12; X, № 5; С, XIV, 28; XII, 4. Ср. надписи на конусе В—С Урукагины, столбец X, строки 36—37: AB—AŠ—ŠI Nina^{ki}—na—me (Нина—квартал Лагаш).

² Deimel, Wirtschaftstexte aus Fara, Leipzig, 1924; №№ 65, 193 и др.

³ Conte n a u, Contribution à l'histoire économique d'Umma, Paris, 1915, №№ 29 и 31; G e n o u i l l a c, Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our, Paris, 1922, № 5675.

находим здесь и той связи, какая существовала, например, между *bêlu eklim* и остальным коллективом в группе полей А. Здесь возглавляющие общинный коллектив роды и семьи, повидимому, уже не входят в него в качестве его членов, но стоят над общиной: среди АВ-АŠ АВ-АŠ мы не находим здесь ни одного члена из семей правящих родов. Напротив, в качестве «старейшин поля» здесь фигурируют почти исключительно назначенные лица. Назначаются при этом по преимуществу члены семейств, принадлежащих к административно-хозяйственному персоналу патесиальных хозяйств. В числе «старейшин поля» мы встречаем здесь семь сыновей нубанд¹ и одного нубанду (С, XIV, 23 сл.), сына па (угула) (С, XV, 6 сл.), сына судьи (С, XIV, 22 сл.), сына какого-то видного чиновника (С, XVII, 22 сл.), жреца (С, XIV, 24 сл.), его сына (С, XVII, 16 сл.) и внука другого жреца (С, XV, 10 сл.). Но хотя таким образом группа старейшин полей С и назначалась свыше и по своему составу и происхождению принадлежала к классу высшей администрации, в помощь им, кроме того, был придан и собственно административный персонал в лице двенадцати нубанд и па (угула) (С, XIX, 14) и трех писцов (С, XVII, 7). Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело уже не со свободной или полусвободной общиной, но с общиной, всецело вовлеченной в патесиальное хозяйство и управляемой и подчиненной контролю специальной хозяйственной администрации.

Ближайший анализ данных надписи Маништусу показывает таким образом, что контрагентами царя в его акте по приобретению земель были не частные землевладельцы и что объектом сделки были не частновладельческие, но общинные земли. Царь приобретает эти земли частью от представителей общин, сохранивших еще большую или меньшую самостоятельность, а частью же земли общин, уже утративших независимость и вовлеченных непосредственно в патесиальные хозяйства. Теперь остается установить, какова была цель покупки и каково было назначение приобретаемых царем земель. По предположению акад. Струве, «Маништусу скупал земли на севере, в области Аккада, чтобы посадить здесь знать сумерийских городов»². «Царь покупает 4 комплекса полей в городах Дурсин, Кише, Мараде и Шиттабе и обязуется давать кормление (следовательно, работу) жителям этих городов. Очевидно, сумерийская знать переселилась на север не одна, а с частью населения своих городов, которое и выполняло работу на новых землях. Жители же указанных выше 4 городов выполняли, очевидно, работу по жатве, резке тростника, словом, по всем тем работам, для которых в эпоху III династии Ура нанимались батраки»³.

В «Истории древнего Востока» (1941 год), стр. 81—82, академик Струве говорит также о поселении на приобретенных землях шумерской знати, но в то же время там же идет речь об обязательстве со стороны Маништусу кормить «тех жителей, которые получили работу на землях, купленных царем». Остается, таким образом, неясным, приобретались ли земли для передачи их новым владельцам или для непосредственной эксплуатации в царском хозяйстве. Имеются ли, однако, в нашем документе данные для подобных выводов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего выяснить, кто были те «люди Аккада», тождественные списки которых помещены в заключение всех четырех надписей различных сторон обелиска, и каково было их непо-

¹ С, XV, 13 сл., 19 сл.; XVI, 2 сл., 13 сл., 16 сл.; XVII, 26 сл.; XVIII, 2 сл.

² В. В. Струве, «Проблемы», прим. 106.

³ В. В. Струве, «Проблемы», прим. 108; ср. его же «История древнего Востока», изд. 2-е, М.-Л., 1941, стр. 80 след.

средственное назначение. Уже одно то, что все эти люди названы в документе «людьми из Аккада» (А, XVI, 16), делает сомнительным их шумерское происхождение. Правда, в числе их в виде исключения встречаются и люди, носящие шумерские имена, в их числе потомки патеси Гишху (А, XII, 19 сл.), и сын Энгальси Урукагина, патеси Ширпурлы (Лагаша)¹, однако большинство имен этого списка семитические, причем список открывается именем «брата» (родственника) царя. В своем большинстве, во всяком случае, это были, таким образом, представители аккадской, а не шумерской знати, что и было вполне естественно, поскольку сам Маништусу был именно аккадским царем.

Надпись Маништусу в то же время не содержит никаких прямых указаний относительно переселения на приобретаемые царем земли людей из других областей. Не более оснований у нас и для того, чтобы предполагать, что приобретаемые царем земли предназначались им для передачи в собственность или хотя бы в пользование «людям Аккада». В таком случае они в качестве новых *bêlu eklim* не были бы названы *AB-AŠ AB-AŠ GAN*. В то же время и списки их имен не приводились бы суммарно, но были бы распределены по отдельным полям. Напротив, все данные определено говорят за то, что приобретаемые Маништусу земли переходили непосредственно во владение самого царя. Недаром в конце каждой из четырех надписей, уже после перечня «людей из Аккада», Маништусу специально повторяет, что земли приобретены им, т. е., следовательно, для самого себя. Группы, занимавшие в общинах привилегированное или господствующее положение, получали плату и должны были уступать свое место царю. Остальное население, повидимому, оставалось на месте. Притом вместе с общинными землями в распоряжение царя поступали и сами общины и труд общинников, которые должны были с этого времени обрабатывать поля и выполнять различные повинности в пользу царя. Именно в связи с этим следует понимать и обещание царя кормить как рядовую массу общинников, так и возглавлявших их старейшин и представителей администрации. Раз все эти люди переходили в царское хозяйство, они, естественно, и содержание должны были получать из рук царя. Для наиболее обширной группы людей *mâr mâr*, связанных с полями С (1200 человек), указан и административный центр, из которого они будут получать содержание и от которого, повидимому, они должны были находиться в непосредственной зависимости (С, XIX, 21, 27).

Вместе с этим в ином свете представляется и та роль, которая предназначалась для «людей Аккада». Поскольку они названы в документе *AB-AŠ AB-AŠ GAN*, т. е. тем же термином, как и ранее существовавшая на этих полях группа старейшин, они, очевидно, предназначались для замещения или для пополнения рядов прежних старейшин и соответственно должны были выполнять те же функции и обязанности, как и эти последние. Положение их было, таким образом, совершенно тождественно с положением назначенных «старейшин поля» группы полей С². И по своему происхождению и социальному составу люди Аккада соответственно близки к этим последним. В числе их прежде всего также фигурируют сыновья крупных чиновников, нубанд, писцов и т. п.

¹ А, XIV, 7 сл. Трудно сказать, в каком отношении этот патеси Ширпурлы (Лагаша) находится к историческому Урукагине.

² Представителей администрации, а не жалюемых новых собственников видит в «людях Аккада» и L. W. King, A History of Sumer and Akkad, London, 1910, стр. 298, но тем менее менее понятно его предположение, что новые правители должны были привести с собой и новых землевладельцев, предположение, непосредственно опровергаемое данными самого документа Маништусу.

Подводя итог нашему исследованию, мы можем, таким образом, констатировать, что надпись обелиска Маништусу свидетельствует не о развитии частной земельной собственности, как принято думать, а, напротив, о продолжающейся хозяйственной концентрации и о поглощении общинных земель и земель местных патесиальных хозяйств царским хозяйством. Со стороны аккадского царя с перенесением резиденции из Аккада в Киш вполне естественно было принять меры к подчинению своему контролю и к вовлечению в свое хозяйство ближайших к этому городу земель, вводя в состав местных общин и администрации своих людей — «людей Аккада».

